

СЕЛО ПОНОЙ

Иван УШАКОВ, краевед

В последнее время оживленно обсуждается вопрос о возрождении поморских селений, и чаще всего речь идет о Поное — некогда процветавшем селе Терского берега. Настоящие заметки, основанные на документальных материалах, повествуют о дореволюционной истории Поноя.

1. "Прензящное" место

В низовьях реки Поной древние стоянки существовали уже три-четыре тысячи лет назад, о чем свидетельствуют каменные лабиринты близ устья — Большой и Малый, культовые сооружения первобытных людей. И это не случайно. Нижнее течение Поноя, от Большого порога и до моря, на протяжении около 20 километров изобиловало ценнейшей рыбой — семгой. Другое богатство понойского берега — скопления морского зверя на льдах, тысячные стада гренландского тюленя в феврале-марте, когда у животных появлялись детеныши.

Природные условия мало благоприятствовали оседлой жизни в низовьях Поноя. Вокруг простиралась каменистая тундра, покрытая лишайниками, а в логах — мелким березняком и ивняком. Стреловой лес находился в верховьях реки, на расстоянии 150—200 километров от места возникновения села Поной.

При впадении в Белое море река Поной напоминает залив и носит название Лахты. Судоходство здесь было возможно только во время морских приливов, которые достигали высоты более 6 метров. В "прибылую воду" суда могли подходить к селению, при "убылой воде" по Лахте нельзя было плавать даже на карбасах.

Окрестности позволяли заниматься оленеводством, но для разведения домашнего скота не хватало сенокосов.

Затрудняли освоение края отдаленность от обжитых побережий Русского Севера, сезонность морского сообщения, суровость климата, но все это в сознании поморов отступало на второй план по сравнению с обильными промыслами семги и тюленя, обеспечивавшими высокие доходы.

В одном из документов средневековой эпохи, когда по ряду обстоятельств понойские угодья пустовали, выразительно сказано: "Промыслы лежат преизящные". За обладание понойскими промыслами в разное время боролись влиятельные монастыри, поморские богачи и иностранные арендаторы.

Исконными владельцами низовой Поной являлись терские лопари, письменные сведения о которых восходят к IX веку.

2. Основание селения

Терские лопари — подданные Русского государства — долго сохраняли свои языческие верования. Около 1570 года на Поное поселился монах Феогност и в результате длительной проповеднической деятельности убедил лопарей принять христианство. По их просьбе присланные царем плотники поставили близ устья Поной православный храм во имя апостолов Петра и Павла. Все необходимое для богослужения — книги, иконы, церковную утварь, священнические облачения и прочее — прислал в дар лопарям Иван Грозный.

После крещения лопарей понойская церковь какое-то время не действовала. В царской грамоте от 16 апреля 1581 года отмечалось: храм Петра и Павла "стоит пуст, без пенья: попа и дьячка и пономаря нет". Богатый Троице-Сергиев монастырь изъявил готовность возобновить богослужение, но просил Ивана Грозного предоставить церковному причту половину улова семги в понойском заборе (ловле посредством перегораживания реки).

При Петропавловской церкви поселился священник Федор Юрьевич Рогуев, судя по фамилии, карел, возможно, знавший лопарский язык. В декабре 1581 года Рогуев с братьями отдал церковную долю угодий в аренду на 6 лет холмогорским промышленникам, которые обязались вести семужий промысел на свои средства "люцким покрутом" — путем присылки в Поной своих наемных работников. При церкви Петра и Павла возник небольшой поселок.

По описи 1608 года, "село" состояло из пяти семей: священника Ивана Губина с детьми, дьячка Микулы Тихонова с братом и детьми, пономаря Семена Верещагина с отчимом Онцифором Шестым (братом игумена Пертоминского монастыря), двух семей бобылей — Петра Левонтьева и Ильи Алимпиева. Двор двинянина Оника Ключева пустовал.

Из какой местности происходили первопоселенцы Поноя — неизвестно. По преданию, они прибыли на Терский берег из вотчин Троице-Сергиева монастыря. Лингвист А. В. Марков летом 1899 года, услышав речь понойских крестьян, немало удивился: "Говор их почти не отличался от московского".

Русские "жильцы" Поноя духовного и мирского звания стали деятельно заниматься рыбными и зверобойными промыслами.

Губины и Верещагины купили у лопарей за 170 рублей Пулонгский берег (реки Кумжовку, Пулонгу, Лиходеевку) со всеми тонями и Сосновский берег до реки Снежницы и "тони в Орлове — Каменную и Ручьевую".

Летом село Поной становилось людным: собирались на лов семги окрестные

лопари, приезжали промышленники-двиняне, являлись скупщики и торговцы из разных волостей южного Беломорья.

3. В духовной вотчине

В результате Смуты Русское государство в начале XVII века ослабло. Разорение центра страны сказалось и на состоянии Севера. Сократилась торгово-промышленная деятельность поморского населения. Обедневшие владельцы промыслов брали ссуды у монастырей или продавали свои угодья. 14 сентября 1618 года понойяне Губины — Иван, Тит, Козьма и Емельян — уступили Антониево-Сийскому монастырю за 64 рубля 75 копеек половину своих угодий "от Орлова наволока и до Пушочного ручья", а также Сосновский и Пулонгский берега — "до полу-Пялицы реки" со всеми тонями с условием до их кончины снабжать "запасом и солью" их промыслы на другой половине угодий и бесплатно перевозить добытую рыбу на монастырских лодях. 16 февраля 1621 года понойский крестьянин Онцифор Верещагин продал за 50 рублей свою долю промысловых угодий Троице-Сергиеву монастырю с условием, что ему будет позволено пользоваться этими угодьями до своей смерти.

Лов семги в понойском заборе брали в аренду богатые промышленники. Как сообщает документ 1623 года, реку Поной у лопарей берет "из найму Голанские земли гость (голландский купец) Юрий Кликин, и от Юрия Кликина приезжают приказчики для рыбного промыслу".

В 1655 году понойские лопари отдали в аренду семужьи ловли в Поное, Лахте и Иоканге Патриаршему Дому, который обязался ежегодно платить лопарям "по 100 рублей хлебными припасами".

По прошению патриарха Никона царь Алексей Михайлович 27 марта 1658 года дал жалованную грамоту, согласно которой Поной со всеми угодьями терских лопарей переходил "в вотчину... вовеки неподвижно" двум патриаршим монастырям — Крестному (на Кий-острове в устье Онеги) и Воскресенскому ("Новый Иерусалим" на реке Истре в Московском уезде).

Монастыри создали в Поное прочное промысловое хозяйство. В 1659 году ими было добыто в Поное 23852 семги — около 4500 пудов (72,8 тонны). Не ограничиваясь Лахтой и Поноем, вотчинники захватывали морские тони своих соседей. В 1662 году антониево-сийские монахи жаловались царю, что приказчики Крестного монастыря "наезжают на те наши промыслы с своими стрельцами и с иными многими людьми и наших промышленников по вся годы с тех промыслов збивают сильно, надеючись на свою мочь".

С 1666 года ведущая роль в организации промыслов в Поное перешла к Воскресенскому монастырю, потому что Крестному "за скудостью и за строением после пожаров... к тем рыбным ловлям как судов и снастей, так и инструментов и материалов построить было нечем". Часть добытой рыбы шла в доход Крестного монастыря как вотчинного владельца угодий. Собственная доля Воскресенского монастыря, по словам монахов, составляла 2 тысячи пудов, "а в иной год больше и меньше".

Посторонним людям селиться в Поное запрещалось. Когда в 1678 году патриарх Иоаким узнал о том, что бобыль Понойской волости Евдоким Федоров принял к себе "гулящих людей две семьи", то приказал немедленно выслать их "с женами и с детьми... хто откуда пришел".

Русское население в Поное увеличивалось медленно. По переписи 1677 года, в 6 дворах числилось 18 взрослых мужчин. В 1712 году в 14 дворах проживало 23 семьи (62 человека мужского пола). По описанию 1716 года село Поной состояло из "государева двора", в котором жили священник и дьякон", и 8 крестьянских дворов. Коренными жителями села являлись: староста Иван Никитич Губин, 44 лет; Григорий Фролович Звонков, 56 лет, с пятью сыновьями; Еким Иванович Русинов, 30 лет, с братом-близнецом Сидором; Федор Макаров; Антипа Евсеев; Алексей Комаров; Конон Гоголев и Парфен Панов. Всех мужчин в наличии оказалось 54 человека.

Вотчинные крестьяне брали у монастырей рыболовные тони в оброчное пользование за плату по договоренности. Сверх того понойские крестьяне платили своим феодальным владельцам "бобыльское тягло" по 25 копеек в год "с человека".

В 1730—1733 годах понойские крестьяне предприняли попытку избавиться от власти монастырей. Мирской "посыльщик", грамоте читать и писать художный, Сидор Русинов вместе с лопарем Василием Бородиным ездил в Москву и Петербург, где они подавали правительству прошения, чтобы быть вотчинным людям "с черносошными крестьянами в равенстве" и не нести монастырских повинностей. Однако освободиться от монастырей не удалось. 17 июня 1733 года Сенат вынес решение: понойским крестьянам "надлежит быть во владении за Крестным и Воскресенским монастырями по-прежнему".

СЕЛО ПОНОЙ

Иван УШАКОВ, краевед

4. Семужий промысел

Семгу ловили разными способами: гарвами, неводами, поездом и забором.

Гарва — ставная сеть, окрашенная отваром ольховой и березовой коры. Ее укрепляли на кольях в тех местах, где наблюдался наибольший ход рыбы. Натолкнувшись на сеть, семга или застревала в ней, или попадала в тинденицу — вторую сеть с мелкой ячейей, — привязанную к тем же кольям позади первой сети.

Неводом ловили семгу на прибрежных мелководьях пожилые люди и женщины. Один конец снасти закрепляли на берегу, а другой — в воде на воткнутом в дно шесте, от которого к промысловой избушке тянулась бечева. При колебании ее сторож-рыбак быстро подтягивал снасть к берегу и вынимал запутавшуюся в неводе рыбу.

Поездом ловили семгу с середины августа, выезжая коллективно на лодках. Выстроившись в ряд, плыли по течению реки, от забора к морю. С каждых двух карбасов тянули кошелевную снасть. Почувствовав удар рыбы о сеть, немедленно подтягивали ее и колотушкой глушили семгу, после чего рыбу клали в лодку и продолжали лов.

Наиболее добычливым являлся заборный способ лова. Забор — изгородь поперек реки с проходами-ловушками в ней. Это большое и сложное сооружение возобновлялось каждый год. На козла из нетолстых бревен клались для устойчивости камни. Чтобы семга — отличная прыгунья — не могла преодолеть забор, его возвышали на два-три метра над уровнем воды. Вдоль забора ставился частокол и протягивалась сеть так, чтобы рыба, пытаясь пройти в верховья реки, нигде не нашла отверстия. Периодически, обычно через каждые шесть часов, семгу извлекали из ловушки и отправляли на обработку и засолку.

Заведовал заборным ловом особый монастырский приказчик, называвшийся "промышленником". Сохранился любопытный источник, дающий представление об организации промысла в Поное. Это договор Воскресенского монастыря с артелью работников, заключенный в Холмогорах 19 мая 1698 года. "Заборщик" (глава артели) Борис Иванович Шужмов и 12 других крестьян с Двины подрядились "быть в Поное и в Лахте... во всякой промышленной работе". В качестве платы за труд артель в целом получала восьмую часть улова, из которой три процента отчислялось монастырскому приказчику.

Производственные работы подрядившихся состояли в следующем: "Приехав в Поной-реку, всякой заборной лес, где что понадобится, и витье черемховое головное и подголовное и мостовое и тарьи тайничные (брусья для ловушки) добывать... заборы на старом месте поставить и забрать крепко и плотно... сети заборные и тонные неводы вязать и сошивать из ево, промышленниковы, московской пеньковой пряжи, и заборные сети к тому забору прилаживать и плотить и каменем к тетивам окладывать и крепить, и тайники делать сполна на готовый ужища липовые и конопляные... а поплавки, и грузила каменные, и всякая деревянная снасть, что к забору и на тону в Лахту понадобится... и к ловле дрова добывать... своими топорами... и ботушечные сети вязать... И, отпев молебен, рыбу семгу ловить против прежнего с прибылью... И быти нам, работным, у той ловли рыбной днем и ночью всегда неотступно и никуда неотходно, и рыбу караулить и забор от большой воды стеречь и... у забора в воде бродить и дырья смотреть всегда почасту, чтоб забор не беспрестанно в целости, а где дырья объявитца, тут нам и починивать, чтоб рыба сквозь забор не шла; буде большой водой за грехи наши забор выломит, и нам, работным людям, вново забор... забрать и укрепить наплотно... Рыбу нам к лодье или в анбар в лодках возить и пороть и чистить и солить, а ловить рыбу нам до самых осени... Отпромышляв в Поное... заборный лес из реки выбрать и покласть в костры строино, чтоб водою не разнесло... Да нам же, работным, ездить на Красный Нос и к Коню-камени по промышленную рыбу... А в морском ходу... всякую лодейную работу делать... промышленными товарами и заборным лесом нагружать и выгружать..."

В обязанность монастыря входило снабжение работников материалами, орудиями лова, инструментами и продовольствием. "А с которого числа, — говорится в "покрутной записи", — мы, работные, учнем у него, промышленника, работать, и с того числа пить и есть его, промышленниково. А платье и обувь носить нам свое, а харч... к обеду и к ужне вареное... а к паужне холодное... Хлебнику и повару быть из нас же, работных людей, кого меж себе мы изберем".

Восьмую долю в улове артель получала не натурой, а деньгами по твердой расценке: за сто семог "межени" (летней рыбы) по 2 рубля, а за выловленную после 1 августа — по 7 рублей. Семга весом в 5 фунтов (немногим более двух килограммов) и меньше в счет не принималась.

Документ дает представление и о характере отношений между покрусенниками и монастырской властью. Крестьяне обязывались выполнять любую работу по приказу промышленника, "ни в чем не прекословить и во всем быть ему послушными; а буде мы, работные, в том Понойском промыслу учнем пить и бражничать, зерню и карты играть и табаком торговать, — говорится в договоре, — ...и хто будет преслушанье чинить, и за те наши преслушанье винить ему, промышленнику, и слугам ево нас смирать, а нам за дурака и за ослушника не стоять!". "Смирать" в то время означало наказывать телесно или помещать до раскаяния и покорности в какой-нибудь подвал. Еще одна характерная деталь: работные обязывались выполнять полицейские функции в отношении местных жителей. "А буде хто из понойских бобылей или лопарей, ему, промышленнику, и приказикам его и слугам, — записано в договоре, — ...учнут бить, — записано в договоре, — и станут бунтовать и, пришед на монастырской двор промышленной, или где ни есть, и учнут пред ним, промышленником, кричать и говорить невежливо или чем

его обесчестят бранным словом, и нам, работным, тех людей по его, промышленникову, и прикащиков его веленью иметь и пред ним смирать по его изволу, а нам в том быть послушным и за то нам всем стоять за один человек".

За всякую оплошность работные подвергались материальному взысканию: "...буде сети у забора примерзнут" или что пропадет из монастырского имущества, из условленной платы вычиталась стоимость утраченного; за украденную кем-либо семгу полагался штраф в 50 копеек.

При заключении договора работные получали задаток по 90 копеек каждый, который подлежал возврату после окончания промысла. "А буде волею Божию, — сказано в сделке, — в промыслу в улове рыбы против наших взятых денег не будет и зачесть нам покрут будет не из чего, и нам, работным людям, тринадцати человек всем, за те взятые деньги итти в новой год в Поной реку и в Лахту на рыбной промысел от нево же, промышленника".

Кабально-зависимое положение покрусенников видно и в последнем условии договора: "А буде мы, работные 13 человек, в каких-нибудь статьях, хотя в чем малом против сего записного договору не устоим... и за убытки... взять ему, промышленнику, 1000 рублей денег".

5. Русенихский завод

В 1732 году понойский крестьянин Звонков обнаружил в семи верстах от своего села признаки медной руды. Узнав об этом, архангельские купцы Федор Чирцов, Егор Собинский и Федор Прядун образовали компанию и в 1735 году приступили к разработке месторождения. Они рассчитывали на хорошие доходы, так как в это время возрос спрос на медь для чеканки монеты.

Летом 1737 года месторождение меди близ Поной лично осмотрел главный начальник горных заводов ("генерал-берг-директор") К. А. Шемберг, немец, авантюрист, пользовавшийся покровительством всесильного временщика Э. И. Бирона. В донесении правительству Шемберг сообщал: "В урочище около Трех Островов, в четырех верстах от Русеницы-реки, найдена весьма сильная жила, которая более 1000 сажень протягивается, и к строению место удобное и для машин довольно воды проведено быть может". Шемберг предложил отобрать предприятие купцов в ведомство казны и устроить большой завод на государственные средства.

В феврале 1739 года Шемберг получил разрешение строить "лапландские заводы" за счет казны и поселить при них "потребное число крестьян таких, которые токмо подушные деньги платят, а торгов и прочих промыслов не имеют".

Вскоре ловкий иноземец подал прошение о передаче собственно ему "рудных мест у речки Русенихи... для учреждения горной компании". Императрица Анна Ивановна пожаловала Шембергу "привилегию" на владение Русенихой и пользование лесами и землями вокруг нее на 50 верст, ссуду в 50 тысяч рублей и право брать на работы крестьян из поморских селений. Губернской администрации предписывалось во всем содействовать Шембергу и по его первому требованию "без всякого замедления" присылать в Лапландию "потребное число солдат" из Архангельского гарнизона для работ "за обыкновенную плату". Подобная щедрость, оказанная проходивцу из бироновской клики, могла вызвать в обществе недовольство, и Шемберг просил не разглашать содержание "привилегии": "народу ведать об учреждаемой компании нужды нет".

24 мая 1739 года Шемберг получил монополию на скупку продуктов зверобойного промысла, которая давала ежегодно более 6 тысяч рублей чистого дохода.

По требованию Шемберга архангельская Берг-контора отвела ему рыбные ловли у морского побережья близ Поной. Эти тони Шемберг отдал в аренду поморскому промышленнику Панфилову.

С лета 1739 года на Русенихе развернулись строительные работы: были поставлены "две казармы и три избы"; с Двины завозилось оборудование, продовольствие, разные материалы. Понойские крестьяне и лопари за плату перевозили грузы к рудникам, выполняли некоторые другие работы. Но основная тяжесть труда по устройству "завода на Русенихе" легла на 300 крестьян, согнанных под конвоем из южного Поморья. Рудничные работы производились "непрестанно — не токмо в урочные по указам часы, но и в праздничные и воскресные дни". Заработной платы — 1 рубля 80 копеек в месяц — не хватало на жизнь. Даже мастеровые, присланные с олонечских Петровских заводов, жаловались на "крайнюю и нестерпимую нужду, понеже хлеб и харч, обувь, платье и дрова продаются дорогою ценою". Пуд подмоклой муки стоил 29 копеек. Казармы отапливались скудно. После работы на руднике приходилось заготавливать хворост: "ходить для дров в тундру, — писали штейеры, — верст за семь и за десять, собираем всякие малые прутья, а добрые дрова от заводу состоят верстах в пятидесяти".

После восшествия на престол дочери Петра I Елизаветы по указу от 7 апреля 1742 года Курт Шемберг был отстранен от должности и лишен пожалований. За неплату долгов государству он более двух лет содержался под стражей, а затем выслан за границу. Правительство хотело продать "лапландские заводы", но покупателя не нашлось. Русенихская руда оказалась бедной. Компания Шемберга выплавляла 126 с половиной пудов меди. С учетом затрат на строительство предприятия каждый пуд меди обошелся в 343 рубля 30 копеек, тогда как себестоимость пуда меди на уральских заводах не превышала 5 рублей.

Каторжные условия труда и быта работников на Русенихе пугали население Поморья. Монополия Шемберга на скупку сала и кож морских зверей разоряла промышленника. Встречена жителями Севера с ликованием. Русенихский завод по убыточности в 1744 году был навсегда закрыт.

СЕЛО ПОНОЙ

Иван УШАКОВ, краевед

6. Социальные перемены

При Петре I с 1704 года монастырские рыбные ловли стали отдаваться казной с торгов частным промышленникам. 24 марта 1727 года Верховный Тайный Совет постановил духовные вотчины, которые "прежде сего отдаваны были на откуп на урочные годы, ныне вернуть самим владельцам вечно без перекупки" (без права продажи). Половина реки Поной перешла Крестному монастырю с платой государству годового оброка 62 рубля 8 копеек, а другая половина — терским лопарям, платившим подушную подать.

Монастырь ежегодно посылал в Поной в июле лодью с 12 работниками; тринадцатый — "заборщик" — нанимался "из понойских жителей", хорошо знавших промысловое дело. Работники получали за сезон по 5 рублей деньгами и полное довольствие. Расходы монастыря на муку, вино, снасти, лесные материалы и транспорт составляли 280 рублей. Улов семги колебался. В 1730 году, например, Крестный монастырь добыл 5150 рыб весом 1022 пуда, ценою 613 рублей 20 копеек. Таким образом, чистый доход равнялся 333 рублям 20 копейкам.

Архимандрит Иоасаф в феврале 1744 года жаловался на своеволие вотчинных крестьян в Поное: стали "непослушны, надеются избавиться от монастыря, мнят себя быти свободными". Ульян Иванов сын Русинов каким-то образом превратился в "посадского человека Кольского острога".

В середине XVIII века наступил кризис монастырского хозяйства. Поморское население роптало, недовольное монополией графа П. И. Шувалова на скупку звериного сала и сухой рыбы. Возросли недоимки крестьян в платеже податей. Участились волнения монастырских крестьян. Промыслы пришли в упадок.

Все это побудило Екатерину II провести ряд важных реформ. 26 февраля 1764 года императрица ликвидировала духов-

ные вотчины, передав их угодья в общинное владение местных крестьян. Крестьяне, освобожденные от власти монастырей, до переписи (ревизии) 1782 года платили государству полуторную подать, а затем во всем были уравнены с черносошными крестьянами, получили самостоятельность в решении сельских дел. В бывших духовных вотчинах возникло крестьянское самоуправление, поставленное под надзор царских чиновников.

В 1768 году правительство ликвидировало монополии на скупку промысловой продукции и объявило свободу торговли и предпринимательства. Хозяйственная жизнь стала развиваться на капиталистических началах.

17 марта 1775 года Екатерина II издала манифест, в котором писала: "Ныне же всемилостивейше отрешаем платеж, сбор или оброк за рыбные ловли и повелеваем оного с них (крестьян) впредь не собирать". Отменялись также сборы с зверобойных и птичьих промыслов, с салотопен, бань и жилых помещений, сдаваемых внаем. Крестьяне избавлялись от казенных служб — ямской гоньбы (перевозки казенных грузов и служилых людей), продажи кабацкого питья и других феодальных повинностей.

По указу 28 июня 1780 года прекращалось взимание пошлин судов и людей, являвшихся на морские промыслы.

Разбогатевшие крестьяне, объявив определенный капитал, могли записываться в мещанство и купечество.

Радикальные реформы Екатерины II дали сильный толчок экономическому развитию Русского Севера, подняли социальный статус поморского крестьянства.

Жители села Поной по указу 1777 года получили право "владеть в реке Поное и в Лахте третьею частью" рыбных ловель, а также пользоваться морской тонею Кузьминою в 20 верстах от села в сторону Пялицкой волости. Остальные угодья бывшей монастырской вотчины были "навечно" закреплены за терскими лопарями.

(Начало в "СМ" от 8 и 12 октября.
Продолжение следует.)

СЕЛО ПОНОЙ

Иван УШАКОВ, краевед

7. Описание 1785 года

Среди многочисленных документальных материалов о Поное особо значимое место занимает Описание, проведенное архангельским генерал-губернатором Т. И. Тутолминым в 1785 году. Сведения о селениях собирались по анкете, состоявшей из 53 вопросов. Одновременно проводилась подворная опись хозяйства жителей.

Село Поной, согласно Описанию, размещалось на правом берегу одноименной реки на протяжении 200 сажен и состояло из шести крестьянских дворов, в которых проживало 20 человек — четыре промышленных семьи и три — "бездомовых". Грамотных хозяев трое. Самый состоятельный в селе — Василий Алексеевич Русинов. У него 2 коровы, бык и 5 овец, сена снимает 55 куч; имеет мореходное судно — сойму грузоподъемностью в 1000 пудов; кроме лова семги "в Белом море промышляет лысунов, нерпу и серку, а на Мурманском берегу треску, продает тогда же по улове свежую приезжающим из Архангельска разным людям".

Описание содержит ответы поноян на вопросы анкеты (приводятся отрывочно). "Поверхность гор и тундр покрыта белым мхом... Сена родится по неудобности каменной земли весьма мало... Река Поной замерзает в октябре, а вскрывается в мае месяцах... Снега в самые снежные годы выпадает в аршин и менее. На высоких горах при логовитых местах снег через лето не вытаивает... От села Поной за семь верст в ручье, именуемом Русених, выкапывана была медная руда... В пост едят рыбу, а в мясоеды мясо оленье, а пьют всегда квас, а иногда и воду...

Зимой около домов делают принадлежащие надобности; весной отходят на морской звериной и сальной промысел; летом промышляют на Мурманском берегу треску и палтосину; осенью — в реке Поное семгу... Женщины и девки зимой прядут из льна прядено; весной из того прядена ткнут для своей надобности холстину, а летом и осенью собирают ягоды и грибы...

Муку ржаную и прочие хлебные припасы ежегодно запасают покупкою в городе Архангельском...

Ездят на оленях, держат иной до 5, иной до 10, до 20 и до 50 и кормят белым мхом.

В тундрах водятся песцы, лисицы и дикие олени. Промышляют только песцов и лисиц на продажу...

Летом мужчины носят верхнее платье кафтаны простого мужичья шитья с клиньем смурого и белого простого сукна; исподнее — балахоны, белье холщевое крашенное, а зимою верхнее — пачки... А на ногах летом бахилы кожаные, а зимою в ярах, иначе пимах; а женщины — вседневное сарафаны холстяные, крашеные сандалом, праздничное — китаешные, кумашные и каразейные. Женщины головные уборы носят по названию зборники — кумажные, бумажные, камчатые, а девки — повязки из лент шелковых, а шейных уборов у них не имеется...

В добрый год крестьянин с женою может достать промыслом и рукоделием рублей до 20, а лучший и семейной — рублей до 30; из того числа на подать государеву издерживает 3 рубля 77 с половиною копеек за ревизскую душу, а достальные — на мирские расходы и про домашний обиход.

Употребляют посуду медную, оловянную и деревянную, а пищу варят в глиняных горшках, которые покупают в Архангельске, и в медных котлах.

Болезней, кроме оспы и корюхи, не бывает, а приходят чрез 20 и 25 лет. Сверх оных, бывает цинга и уколная болезнь...

Женятся они двадцати и двадцати пяти и тридцати лет, а замуж выдают около шестнадцати и двадцати и двадцати пяти годов. Старые люди живут лет до семидесяти и осмидесяти, а обыкновенно умирают лет около сорока и пятидесяти... Против соседних терских лопарей, они, крестьяне, ростом более и телом несколько тверже...

Игрищ никаких не бывает, а о масляной неделе прогуливаются по реке Поною пустым местом на оленях...

Празднуют в году храмовые праздники: первой Петра и Павла, второй — Успения Пресвятыя Богородицы".

8. Взгляд со стороны

Поморские села заметно отличались одно от другого, и почти у каждого была своя "слава". Поной располагался в глубоком ущелье и у человета, вызывая к простору, открытой местности, вызывая уныние, какое-то придавленное настроение. Но коренные обитатели села жили небедно при своих "изящных промыслах", позволяя себе тратиться на немудреные для большинства крестьян продукты питания и немалые деньги отдавать в кабаке.

В Поморье о Поное и его жителях (местное именование — "понояне", стороннее — "понойцы") отзывались не очень лестно. В народе ходил стишок:

Тут гора и тут гора,
А сверху дыра.
Дома под горой —

Это хмурый Поной.

Об обитателях села говорили: "Понойцы — пропойцы". Местный священник писал: "Понояне все страшные пьяницы. Промыслы у них почти всегда изобильны и дают хороший доход; осенью приходят в Поной поморы, навезут из Норвегии рому, разных ликеров и вин, выменяют их на промысел, а понояне и пойдут пьянствовать, и не только мужчины, но и женщины, и даже ребята; пьют, словом, все поголовно. Простой водки никто и знать не хочет, а подавай ликеру или шампанского... Здесь все держатся пословицы: "Хоть на час, да вскачь", пьянствуют напропалую и нисколько не заботятся о будущем... Все мужчины в синих кафтанах, бабы и девки разряжены, как на свадьбе, а придет дело к весне, будет здесь чистый голод... и понесут они все эти обновы и все, что имеют, в кабак, и будут все ходить в лохмотьях. Поверенному по питейной части здесь житье: у него и водку берут в счет будущих промыслов, и хлеб, и другие припасы в долг. При мне сменилось несколько таких поверенных; придет какая-нибудь голь, весь в лохмотьях, есть нечего, — глядишь, он имеет уже ладью и в купцы записался".

Понойские женщины считались модницами, в хозяйстве бестолковыми, любящими разгулье. В поморской речи бытовало характерное выражение: "И ументы, товарищ, а судишь, как понойская баба".

В июле 1837 года Поной посетил великий ученый, петербургский академик К. М. Бэр. Увидев в селе двухэтажный дом, он спросил проводника: "Видно, хозяин дома богат?" и получил ответ: "Так богат, что пропивает по 60 рублей, когда у других нет уже ни гроша". Путешественники остановились у одного из зажиточных поноян. "Мы со всеми нашими спутниками, — пишет Бэр, — ... прибыв в Понойское ущелье, в жилище крестьянина, совсем не имевшего пашен, не только могли восстановить свои силы, но даже встретили отличное угощение. Вымывшись в удобной бане, мы в веселой, просторной, не только опрятной, но даже красиво убранной избе нашли более постельного белья и удобств, нежели нам нужно было. Не было недостатка ни в чае, и при том самого отборного сорта, ни во всех принадлежностях к нему, как то сахаре и роме, ни в красивом самоваре и потребной фарфоровой посуде, ни, на другое утро, в фаянсе для сытного завтрака, состоявшего из многих блюд".

Лесничий К. А. Соловцов, в течение трех недель живший в Поное и опубликовавший в "Архангельских губернских ведомостях" в 1861 году свои впечатления о селе, отмечал: "Понояне любят роскошь... Они все пьют чай и кофе, привозимые из Норвегии... орехи, пряники и другие лакомства в большом употреблении; они любят щеголять платьем, хотя бы в ущерб желудку; часто посещают друг друга и, по их выражению, угощаются по-городски, то есть потчуют гостей чаем, кофе и лакомствами". Образованного лесничего поразил дикарский способ лечения больных цингой: таковых "сажают в бочку и пускают оную по отлогому скату горы". В очерке Соловцова есть еще одна бытовая деталь: ввиду обилия комаров "в каждом доме в черепке тлеют веточки, давая густой и едкий дым; без подобного курева никто не выходит на улицу".

У поноян сложился своеобразный, "безобидный" для всех способ пользования семужьими угодьями. Исследователь северных промыслов профессор Н. Я. Данилевский в 1862 году писал: "Тони ежегодно распределяются по жеребью... С Петрова дня (29 июня) начинают общими силами и средствами строить забор в реке Поное. Все, что попадает в забор, делится по душам поровну. Так продолжается до Ивана Постного (29 августа). В этот день с раннего утра все лодки стоят у берега близ крестов... Собирается весь народ, молится и затем разом бросается в лодки. С лодки каждый спешит забить в выбранном им месте по два, по три кола для обозначения того, что берет его в свое владение... и ловит здесь на себя всю осень. Рыба, попадающаяся у забора, по-прежнему делится по душам".

Порядок лова и продажи семги определяли сами крестьяне на сходе. А. Я. Ефименко, исследовательница артелей Севера, сообщает: "Для надзора за устройством забора в Поное и ведением семужьего промысла мир выбирает из своей среды знающего и опытного крестьянина, который называется заборщиком. На его обязанности лежит также вынимать рыбу из сетей, солить и продавать ее, хранить деньги и производить нужные расходы с согласия обществу. За свой труд он получает известную процент с выручки за семгу... Сначала уловом семги в заборе покрываются общественные расходы и издержки на устройство забора, остальные деньги, вырученные от продажи крупной семги скупщикам, делится поровну... мелкая рыба не продается, а делится натурою по душам" (1874 год).

Понояне, отказавшись от сдачи своих угодий в аренду сторонним промышленникам, по общему мнению, в меньшей степени зависели от местных богачей и приезжих скупщиков, чем крестьяне других поморских селений.

СЕЛО ПОНОЙ

Иван УШАКОВ, краевед

(Начало в "СМ" за 8, 12, 13 и 14 октября.)

9. Русско-лопарское единство

Сближению терских лопарей и русских крестьян, поселившихся в Поное, способствовали три обстоятельства: единая вера, совместные промыслы и заинтересованность во взаимовыгодной торговле.

При понойской церкви Апостолов Петра и Павла происходили богослужения, которые посещали, особенно в праздничные дни, как русские жители, так и окрестные лопари. Они, как прихожане, вместе обеспечивали церковь всем необходимым, предоставляли причту часть земных угодий и покосов. Когда первый храм, построенный еще при Иване Грозном, обветшал, прихожане взамен в 1797 году построили новый, более просторный и красивый. В 1817 году они соорудили на свои средства придельную Успенскую церковь для богослужения в зимнее время. При главном храме стояла звонница на пять колоколов.

В 1854 году в Петропавловском приходе числилось: в селе Поной — 24 двора и 164 жителя обоего пола; лопарей — в Сосновском погосте — 85 человек, Лумбовском — 108, Иокангском — 109, Куроптевском — 60 и Каменском — 93 человека.

Село Поной и пять погостов терской лопи составляли единую волость с выборными должностными лицами — старшиной, сельскими старостами, десятскими, писарем, судьями. На общем сходе лопарей и русских решались вопросы распределения угодий, продажи коллективного улова рыбы, уплаты податей и другие. Права и обязанности по существовавшему законодательству у русских крестьян и лопарей были совершенно одинаковы.

Во время переписи "пяти погостов Терской лопи" в 1785 году лопари сказали: "Русской язык сами знают и жены их и дети тож; русскую грамоту не знают".

Лопари, обитавшие в тундровой зоне, имели иной тип хозяйства, нежели понояне, — занимались оленеводством и охотой, ведя полукочевую жизнь. В селе Поной лопари покупали муку, ткани, металлические и другие ремесленные изделия, пряжу и т. д. у крестьян, имевших мореходные суда и привозивших товары из Архангельска, и у торговцев, которым сбывали меха, оленье мясо, кожи, семгу.

Некоторые зажиточные лопари женились на малоимущих поноянках, обычно вдовах, и переходили на постоянное жительство в русское село, становились полноправными членами сельского общества. Иногда к ним подселивались друзья и родственники из тундровых по-

стов. В 1871 году в селе имелось уже 35 жилых строений, 185 человек крестьян, у которых было 83 речных судна, 15 коров, 64 овцы и 293 оленя.

Сохранился документ о "водворении на оседлое постоянное жительство" в Поное тринадцати лопарских семейств, датированный 3 января 1870 года. "Мы, — писали лопари, — с давних лет постоянно проживаем в селении Поное, почти все имеем в Поное свою собственную недвижимость, дома; многие из нас имеют жен из местных понойских жительниц". В понойское общество были приняты: Матвей Степанович Друженьков, Максим Петрович Горбунцов, Егор Яковлевич Друженьков, Андрей Петрович Данилов, Тимофей Семенович Данилов и его брат Григорий, Иван Петрович Матрехин, Андрей Арефьевич Матрехин, Денис Ильич Ермолин с братом Антоном, Петр Филимонович Харлин, Василий Федорович Матрехин, Алексей Иевлевич Матрехин и Яков Константинович Данилов.

Процесс смешения русских и лопарей в Поное привел к тому, что далеко не всегда внешне можно было определить национальность местных жителей, хотя по физическому облику лопари и русские совершенно разные типы. Антрополог А. И. Кельсиев в 1877 году сообщал своим коллегам в Москву: "Восточные лопари так похожи наружностью и бытом на русских, что приходится раза по два спрашивать, кто лопарь, а кто нет".

Осенью 1884 года в Поное открылась церковноприходская школа, в которой совместно обучались русские и лопарские дети. Занятия вел священник Николай Иванович Шмаков, воспитанник Архангельской духовной семинарии. Он выделялся своей образованностью, добрым отношением к учащимся и прихожанам. В Поное он создал общество трезвости и добился уменьшения пьянства. За свою службу он был награжден орденом святой Анны III степени. Грамотные лопари в Поное выбирались старшинами и церковными старостами, работали оспопрививателями. Церковная библиотека, которой могли пользоваться все желающие, в конце XIX века насчитывала 190 названий книг и журналов, преимущественно духовно-нравственного содержания.

Лопари, как и русские, получали медицинскую помощь. Сельский староста в Поное лопарь Алексей Харлин на запрос властей, как работает фельдшер Смирнов, собственноручно написал: "С больными обходится очень великодушно... и очень полезен для населения". Более тридцати лет лопарей Понойской волости успешно и безвозмездно лечила смотрительница Орловского маяка Татьяна Ивановна Куковерова, прозванная "матерью лопарей".

(Продолжение следует.)

СЕЛО ПОНОЙ

Иван УШАКОВ, краевед

(Окончание.)

Начало в "СМ" за 8, 12, 13, 14 и 15 октября.)

10. Накануне революции

Женщина энергичная и деловая, Т. И. Куковерова решила помочь "бедному населению Севера самостоятельно работать и выйти из вековой кабалы у закупщиков рыбы", создать механизированные предприятия, "научить молодое поколение замшевому и кожевенному делу... солению, копчению и вялению продуктов рыбного промысла". В одном из прошений, поданных правительству, она писала: "Край этот, богатейший в стране по своим естественным сокровищам, только ожидает руки человека для того, чтобы стать источником благосостояния нашей Родины".

В 1898 году Куковеровой удалось получить от Государственного казначейства беспроцентную ссуду — 8,5 тысячи рублей с возвратом ее в течение десяти лет. Для устройства предприятий она избрала местность в восьми верстах от села Поной под названием Соколиная Лахта, построила здесь производственное здание, жилой дом, баню, амбар, приобрела промысловые суда, рыболовные снасти, салотопенные котлы, чаны, бочки и т. п. Для изготовления замши Куковерова закупила у местных жителей тысячу оленьих шкур, пригласила мастеров, наняла рабочих.

Однако доходы от предприятий оказались незначительными. Очень скоро Куковерова стала испытывать нехватку капитала. В 1903 году за ней числилось 2805 рублей казенного долга и несколько частных взысканий. Предприятия были описаны и опечатаны. Их деятельность прекратилась. О причинах неудачи Куковеровой архангельский губернатор Н. А. Римский-Корсаков сообщал своему петербургскому другу: "Врагов у нее в Архангельске много... Правление Товарищества Мурманского пароходства видит в ней конкурента и опасного человека... Комитет помощи поморам во главе с М. Ф. Мецем ее ненавидит... Я лично про нее составил такое мнение: баба умная, многие дела ее не идут за неимением денег, а главное, что все, не исключая и немец-заводчиков, не дают ей хода".

Начало XX века ознаменовалось подъемом борьбы рабочих и крестьян против царского самодержавия и гнета капитала. На Кольский полуостров стали ссылать революционеров — в Колу, Александровск, Кандалакшу, Кузомень. В Поное, по отсутствию в селе полицейской власти, ссыльных не поселяли. Антиправительственных выступлений в волости не наблюдалось.

Накануне выборов в Государственную думу, 9 марта 1906 года, представители от волостей собрались в городе Александровске для выработки наказа будущему депутату думы. Уполномоченными от Понойской волости являлись Яков и Лазарь Матрехины. Крестьяне высказались за сохранение общинных порядков, но просили отменить право старшин и сельских старост арестовывать провинившихся общинников и отдавать недоимщиков в работы по принуждению. Такое право, по мнению уполномоченных, должно принадлежать только волостному суду. Крестьяне просили закрепить законом за сельскими обществами все их угодья, ограждать от пришельцев, которые самовольно промышляют рыбу и зверя, рубят лес, травят ягельные тундры и косят травы; расширить медицинскую помощь, отменить плату церковному причту за похороны и молебны, а волостных писарей содержать на казенном жалованье.

В 1907 году от Восточной Лицы по мор-

скому побережью до Поноя провели телеграфную линию. В селе действовал фельдшерский пункт, на содержание которого крестьяне платили 200 рублей в год, сверх казенного ассигнования. Он имел небольшую аптеку с лекарствами, набор инструментов и необходимое оборудование для лечения больных. Продолжала работать школа, в которой занятия вела дочь священника Евдокия Шмакова. Некоторые жители, а также волостное правление и школа получали газеты и журналы.

В разросшемся селе стояло 55 домов, в том числе 17 принадлежали "оседло проживающим крестьянам других волостей", не являвшимся членами сельского общества. Полноправных общинников насчитывалось 220 человек, большинство (92 человека мужского пола) русского происхождения, остальные — обрусевшие лопари. В 1910 году понояне имели 1300 оленей, 30 коров и 76 овец. Семужий промысел давал поноянам ежегодно более 300 рублей дохода (по понойским ценам это 200 пудов ржаной муки). Однако, как отмечал чиновник Р. П. Якобсон, жители села Поной, "несмотря на свои колоссальные доходы... состоят в вечном долгу у скупщиков семги".

Петербургская фирма Язикова построила в Поное торговую лавку, ледник и амбары. Товары из лавки — мука, крупы, сахар, чай, пенька, керосин и прочее — выдавались в долг, "в счет будущего улова". Опутав долгами, Язиков устанавливал цену на семгу намного ниже рыночной.

Поноянам помимо приобретения орудий лова и продовольствия приходилось тратиться на заготовку леса и дров. Ежегодно они нанимали 9—10 рабочих, которые в среднем течении реки Поной, при впадении в нее речки Лебяжьей, рубили лес и сплавляли бревна к селу. Каждому рабочему платили по 50 рублей деньгами, обеспечивали питанием и оленями. Для отопления дома в течение долгой полярной зимы требовалось не менее кубической сажени дров, которая стоила в Поное 40—50 рублей. На сооружение забора затраты составляли 610 рублей.

Сельское общество расслоилось на две социально разные категории — промышленников и работников. Беднота, не имевшая орудий лова, отдавала в аренду свои угодья и "души" (долю в улове) состоятельным крестьянам и пришлым поселенцам, а сама нанималась работать на тонях "за 15-й рубль", то есть за пятнадцатую часть стоимости выловленной рыбы.

Начавшаяся в 1914 году мировая война резко ухудшила положение поморского населения. В северных водах появились германские подводные лодки и миноносцы. Ход торгово-промышленной деятельности был нарушен. Возникла небывалая дороговизна. Семьям мобилизованных в армию и флот жителям Поноя выдавалось казенное пособие 3 рубля 85 копеек на взрослого и в половинном размере на детей. Оно не обеспечивало прожиточного минимума семьи.

О настроениях в Поное можно судить по такому факту. 6 ноября 1914 года в доме крестьянина Никандра Сидорова собрались местные жители, говорили "о ловле рыбы, зверя и о войне". Когда крестьянка Евдокия Совкина "начала вспоминать своего сына, находящегося на войне, то Киприан Харлин начал ругать государя императора площадной бранью... и вместе с сим такой же бранью ругал и Бога". Двадцатилетний обрусевший лопарь, коренной житель Поноя, "был трезвый... хотел сорвать со стены портрет государя".

Большинство поноян сохраняло веру в царя — помазанника Божьего, но весть об отречении его от престола встретило с надеждой, что в России все переменится к лучшему.